МАРИНА ВЕТРОВА ✦ АМИНА ВОЛКОВА

Жестокий муж.

Ты продал мою карьеру, но я разрушила твою империю!

Марина Ветрова

Жестокий муж. Ты продал мою карьеру, но я разрушила твою империю!

«Автор»
2026

Ветрова М.

Жестокий муж. Ты продал мою карьеру, но я разрушила твою империю! / М. Ветрова — «Автор», 2026

Муж продал мою должность, присвоил исследования и заставил подписать увольнение.Но самым страшным оказалось другое: Григорий угрожает Тимуру, моему больному племяннику, которого я воспитываю как сына.За одну ночь я потеряла работу, квартиру и репутацию.Теперь против меня влиятельные люди, поддельные документы и смертельно опасные тайны клиники.Единственный, кто предлагает помощь, — Максим Орлов, богатый и пугающе властный инвестор. Он привык заключать сделки, а я больше не желаю быть ничьей собственностью. И он знает слишком многое.Чтобы вернуть ребёнка и своё имя, мне предстоит разоблачить преступников.Но что произойдёт, когда человек, которому я боюсь доверять, станет единственным, кого захочется любить?

© Ветрова М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 15
Глава 5 18
Глава 6 21
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Марина Ветрова, Амина Волкова
Жестокий муж. Ты продал мою карьеру, но я разрушила твою империю!

Глава 1

Воздух в подсобке пах дезинфекцией и остывшим кофе. На языке стоял вкус железа; за двенадцать часов смены я так и не нашла минуты поесть. Руки дрожали от усталости, когда я раскладывала инструменты для экстренной анестезии. Третий этаж, реанимация, пациент с разрывом аорты. Просто работа. Просто выжить до утра и поехать к Тимуру, проверить его лекарства, сварить ему кашу, которую он любит с изюмом.

— Подпиши, Алиса. Прямо сейчас.

Голос Григория был тихим, но в этом гуле вентиляции он прозвучал как приговор. Он стоял в дверном проеме, заслоняя собой свет коридора. Его костюм был идеален, ни складочки, ни пятна крови на манжете. Я смотрела на чистую манжету и не могла сразу оторваться от этой мелочи. Он явился в реанимацию нарядным, как на встречу с инвестором, и требовал моей подписи.

Я не подняла глаз от шприца.

— У меня пациент, Гриша. Выйди. Ты знаешь правила.

— Правила изменились. — Он сделал шаг внутрь и закрыл за собой дверь. Щелчок замка прозвучал оглушительно. — Или ты думаешь, что сможешь спасти того парня без подписи? Без твоего «добровольного ухода»?

Мои пальцы замерли над ампулой. Ледяное стекло впилось в кожу. Я медленно выпрямилась; от долгой смены ныла поясница.

— Что ты несешь? Какой уход? Я главный анестезиолог этого отделения.

Григорий усмехнулся той улыбкой, которую я видела на банкетах, когда он представлял меня коллегам как свою «музу». Теперь она искривилась, превратившись в гримасу отвращения.

— Моя муза стоит дорого, детка. Но долги стоят дороже. Я продал твои права на диссертацию. И твою репутацию. За списание моих личных обязательств перед... интересными людьми.

Я рассмеялась. Коротко, истерично, почти задыхаясь.

— Ты сошел с ума. От усталости. Дай мне телефон, я вызову охрану.

— Не надо звонить. — Григорий достал телефон, но не свой. Он развернул экран ко мне. На фото был Тимур. Мой племянник. Спал на заднем сиденье машины, свернувшись клубком, обхватив руками костыль. Его лицо было спокойным, ангельским. А на стекле автомобиля отражался силуэт Григория, который курил, глядя на ребенка. — Если ты не подпишешь эти бумаги прямо сейчас, Тимур проснется не в больнице. А там, где его никто не сможет найти.

Кровь отхлынула от лица так резко, что зрение сузилось до тонкого туннеля. Я схватилась за край стола, чтобы не упасть. Колени подогнулись. Воздуха стало мало. Этот запах — дешевый табак и страх — ударил в нос сильнее любого наркотика.

— Ты... угрожаешь ребенку? — прошептала я. Голос сорвался на хрип.

— Я требую сделки. Формальность. Ты уходишь по собственному желанию, передавая все наработки новому руководству. Взамен Тимур жив. Подписывай.

Рука сама потянулась к ручке. Мысли путались, превращаясь в белый шум. Подписать. Сохранить Тимура. Это просто бумага. Это ничего не значит.

— Завтра утром, — выдавила я, водя дрожащей рукой по листу. Чернила казались черными полосами грязи. — Я должна увидеть его завтра утром. Живым. Здоровым.

Григорий забрал документ, едва я закончила подпись. Он аккуратно сложил бумагу и положил во внутренний карман пиджака.

— Условия диктую я, Алиса. А теперь убирайся из операционной. Ты мешаешь работать тем, кто платит.

Он вышел, оставив меня одну в темноте подсобки. Меня тошнило. На столе осталась ручка, которой я подписала уход. Ещё минуту назад я могла назвать его угрозу безумием, а теперь под ней стояла моя подпись. Хотелось выбежать за ним и вырвать лист из кармана. Но на его телефоне был Тимур.

Но времени на жалость к себе не было. Из-за двери донесся сигнал тревоги. Монитор жизненных показателей в основной операционной начал пищать пронзительно, монотонно. Пациент уходил.

Я вылетела из подсобки, будто за мной гнался сам дьявол. Коридор расплывался перед глазами. Я ворвалась в операционную, где медсестры уже начинали паниковать.

— Давление падает! Аритмия! — крикнула дежурная.

Доза, интервал, контроль дыхания. Я заставляла себя смотреть на показатели, повторяла назначения вслух, чтобы не пропустить ответ ассистента. Руки выполняли привычную работу. Но стоило на секунду отвести глаза от монитора, передо мной снова появлялся Тимур на заднем сиденье. И я возвращалась к цифрам.

— Доступ держи, — бросила я ассистенту, придерживавшему венозный катетер. — Препарат для поддержки давления. Срочно.

Ассистент протянул мне флакон. Я взяла его, и пальцы скользнули по этикетке. Этикетка была знакомой; срок годности и название совпадали. Я проверила флакон, набрала препарат и ввела его через катетер. Монитор продолжал подавать тревожный сигнал: давление не поднималось.

Сердце пропустило удар.

Лекарство не действовало. Я отложила пустой флакон отдельно — его нельзя было выбрасывать. Подмена? Просроченный раствор под новой этикеткой? Пока я не знала. Но этот флакон должен был остаться для проверки. Клиника была куплена не сегодня ночью. План был давно готов. Григорий не просто должник. Он крыса, которая уже начала грызть нас всех изнутри.

Пациент умер через двадцать минут, несмотря на реанимацию. Я не спасла его. Я наблюдала, как угасает жизнь, и всё пыталась понять, где мы потеряли время и почему не сработал препарат. Предательство мужа не давало права списать на него мою ошибку — если она была. Я попросила дежурную опечатать отложенный флакон, записала название и номер партии в журнале. Пусть проверят, что мы вводили. Даже если завтра меня здесь не будет.

Когда мы наконец выдохнули и начали подготовку тела, я побежала в ординаторскую. Нужно было собрать вещи. Хотя бы ключи от дома. Чтобы забрать Тимура. Бежать. Куда угодно.

Мой личный сейф был вскрыт. Дверца висела на одной петле. Внутри пусто. Ни документов, ни флешек с исследованиями, ни денег на черный день. Ключи от квартиры нашлись на столе, рядом с пустой чашкой, будто их специально выложили для демонстрации.

Я схватила телефон. Палец завис над номером Григория. Позвонить? Орать? Требовать объяснений? Нет. Объяснений нет. Есть только последствия.

Я набрала соседку, Нину Петровну.

— Алло? — ее голос звучал удивленно.

— Нина, это Алиса. Вы видите грузчиков у моей двери?

Пауза была слишком долгой.

— Алиса, они тут третий час. Все выносят. Мебель, книги... Твой муж сказал, что квартира продана. Он... он показал какие-то документы. Я не поняла, но он выглядел очень убедительно. Прости, девочка.

Телефон выпал из рук. Продана. Дом, где Тимур учился ходить, держась за диван, где была моя крепость — стал товаром на аукционе молчания.

Я подняла телефон и убрала в карман. Нужно было место. Любое. Я вспомнила Киру. Мы вместе учились, вместе пережили первый клинический случай. Она всегда была мягче меня, человечнее. Может быть, она поймет? Может, поможет переночевать, пока я решу, что делать дальше?

Кабинет главного врача на третьем этаже светился теплым желтым светом. Я постучала.

— Войдите, Алиса.

Кира Лаврова сидела за столом, перелистывая журнал. На ее шее блеснули новые бриллианты — крупные, вульгарные, явно свежие. Она подняла на меня глаза, не закрывая журнал. В глазах не было тепла. Только холодный расчет и легкое презрение.

— Мне нужна помощь, Кира. Немного. Пара дней. Я потеряла дом, работу...

Она вздохнула, откладывая журнал.

— Алиса, ты же знаешь, как сейчас в клинике. Григорий все объяснил. Ты... перегорела. Тебе нужен отдых. Настоящий отдых. В санатории, за городом. Я не могу тебя впустить. Это будет выглядеть подозрительно. Для инвесторов.

— Инвесторов? — Я почувствовала, как пол уходит из-под ног. — Ты знаешь о сделке?

Кира пожала плечами, поправляя прядь волос.

— Григорий мой друг, Алиса. Он защищает клинику. А ты — риск. Не обижайся. Но лучше тебе уйти по-тихому. Пока не поздно.

Я всё ещё ждала, что Кира встанет, подойдёт ко мне, скажет тихо: «Не здесь, потом поговорим». Но она уже вернулась к журналу. Григорий и Кира знали. Соседка поверила ему. А кто ещё? Кому я могла позвонить, не услышав в ответ про нервный срыв?

Оставался один вариант. Закон. Полиция. Пусть они разбираются с угрозами жизни ребенка. Пусть проверяют документы на продажу квартиры.

Здание районного отдела полиции было серым, промозглым, пахло мокрыми куртками и табаком. Дежурный, старший лейтенант Волков, которого я знала еще со времен работы в травмпункте, посмотрел на меня поверх очков.

— Верещагина? Что случилось?

Я положила на стол заявление. Руки уже не дрожали. Они онемели.

— Муж угрожает моему племяннику. Продает мою квартиру незаконно. Подделывает медицинские документы. Я прошу защиты.

Волков прочитал бумагу. Медленно. Потом поднял глаза. В них была жалость. Тяжелая, давящая жалость.

— Алиса, я знаю Гришу. Он звонил главврачу полчаса назад. Сказал, что у тебя нервный срыв. После ночного дежурства. Ты невменяема, детка. Заявление я принимать не буду. Тебя могут госпитализировать по решению суда. По ходатайству семьи.

— Семьи? — выдохнула я. — Какой семьи? У меня никого нет!

— У тебя есть муж. И есть опекаемый родственник. Система работает так, Алиса. Не борись с ветряными мельницами. Иди домой. То есть, иди куда-нибудь, где тихо.

Я вышла из здания полиции в предрассветную серость. Город спал. Капли дождя падали на лицо, смешиваясь со слезами, которые я не позволяла себе пролить. Я перебирала в уме тех, к кому уже пришла: Кира, Волков, соседка. Ни у кого нельзя было остаться хотя бы до утра. Заявление мне вернули, вещи выносили из квартиры. Григорий заранее рассказал всем, почему моим словам не нужно верить. И никто даже не спросил, где Тимур.

Телефон в кармане вибрировал. Раз. Два. Три раза.

Неизвестный номер.

Я ответила, ожидая снова услышать смех Григория или голос Киры.

— Твои руки дрожали в операционной, доктор Верещагина.

Голос был низким, хриплым. Незнакомец говорил так, словно стоял рядом в операционной и видел то, что я пыталась скрыть даже от себя.

— Мне нужны такие руки. Или мне нужны твои глаза? Приходи в холл главного корпуса. У тебя мало времени, прежде чем они придут за тобой.

Глава 2

После звонка я вернулась в главный корпус. До холла не дошла: Григорий перехватил меня и повёл в свой кабинет. Запах хлоргексидина и дешевого табака въелся в ноздри, став частью моего воздуха. Я стояла посреди кабинета директора клиники, сжимая в руках ручку без колпачка, которая казалась сейчас тяжелее пистолета. Григорий сидел за своим дубовым столом, поправляя манжету рубашки с движением человека, который готовит кофе, а не продает жену мафии.

— Ты думаешь, я боюсь твоего взгляда? — его голос был бархатным, почти ласковым, но от этой мягкости меня бросило в озноб. Он поднял глаза, и в них не было ни тени стыда, только холодный расчет бухгалтера, сводящего дебит с кредитом. — Я боюсь только того, что ты можешь сделать со своими руками. Подпиши передачу исследований, Алиса. Или я скажу им, что ты знаешь про их деньги. Что ты участвуешь в схеме.

Я смотрела на него так, будто видела впервые. Три года брака. Три года, когда он называл меня «сердцем клиники», «незаменимым анестезиологом». А теперь он протягивал мне ещё один лист, даже не спрашивая, что стало с пациентом. Мой отказ для него был только задержкой перед приездом кредиторов. Ногти впивались в ладони; я разжала пальцы, пока ручка не сломалась. Пусть сам объясняет, кому и что уже пообещал.

Григорий вздохнул, как будто ему надоедало объяснять элементарные вещи ребенку. Он достал телефон. Экран засветился, показывая видео из палаты Тимура. Моего племянника. Тихого мальчика, который спал под капельницей. На кадре медсестра, которую Кира Лаврова наняла месяц назад, проверяла регулятор скорости введения препарата. Её пальцы скользнули по шлангу, и секундная стрелка часов на экране медленно ползла вперед. Обычная проверка капельницы. Но после фотографии в машине я видела угрозу даже в этом движении: кто сейчас был рядом с Тимуром и что ему вводили?

Земля ушла из-под ног. Колени предательски подогнулись, и я схватилась за край стола, чтобы не рухнуть на пол.

— Полиция? — Григорий усмехнулся, убирая телефон. — У них нет доказательств против меня, зато у меня есть доказательства твоей «невменяемости». Подпиши, Алиса. Ради Тимура.

Мой голос сорвался на шепот, чужой и жалкий:

— Дай мне время. До утра.

— Времени нет! — рык вырвался из его груди, разрывая иллюзию спокойствия. Он рванул на себя, схватив меня за подбородок. Его пальцы были ледяными, жесткими, оставляя синие следы на коже. Боль пронзила челюсть, заставляя поднять голову. — Кредиторы приедут утром. Если они увидят тебя здесь, они решат, что ты знаешь слишком много. Ты умрешь первой, Верещагина. Быстро и без шума.

Он оттолкнул меня. Я упала на стул, задыхаясь, чувствуя вкус крови на губе, которую сама же прикусила от страха.

— Сумка, — прошептала я, пытаясь собраться. — Ключи от квартиры. Мне нужно пережить эту ночь.

Григорий даже не посмотрел на мою сумку, валявшуюся в углу. Он лишь мотнул головой в сторону двери, блокируя путь своим телом.

— Квартира теперь принадлежит фонду клиники. Как залог по моим личным долгам. Замки меняет служба безопасности. Они уже в пути.

В коридоре послышались шаги. Тяжелые, размеренные, гулко отдающиеся в тишине. Охранники — те, что обычно улыбались мне, когда я выходила с ночной смены. Теперь они шли за мной, как псы за добычей.

За дверью говорили вполголоса, но я различила свою фамилию. Схватив куртку со спинки стула, метнулась к пожарному выходу. Запах гари и сырости ударил в лицо, когда я толкнула дверь. Шаги за спиной участились, кто-то крикнул: «Стоять!» Но я уже бежала вниз по лестнице, чувствуя, как дрожат колени, и понимая: меня вышвырнули на улицу прямо сейчас. В куртке поверх больничного халата. У меня не осталось ни дома, ни работы; даже имя перестало быть моим.

Улица встретила меня ноябрьским ветром, который пробирал до костей, проникая сквозь тонкую ткань халата. Я дрожала так сильно, что зубы стучали громче, чем ветер. Достала телефон. Пальцы, окоченевшие и неуклюжие, пытались набрать номер подруги. Экран завис. Красная точка сети так и не сменилась значком соединения. Я нажала еще раз. И еще, стирая влагу с экрана рукавом. Бесполезно.

Сзади тихо, почти бесшумно затормозила машина. Черный внедорожник Григория. Стекло чуть приспустилось, и я увидела его профиль. Он не вышел. Не стал орать. Просто показал, что контролирует каждый мой шаг, каждую попытку связаться с внешним миром. Он ждал, пока я сломаюсь окончательно.

Я выключила телефон. Его экран погас, отражая темноту переулка, где рядом с контейнером для мусора пахло гнилью и старыми костями. Я спряталась за баком, обхватив себя руками, пытаясь сохранить хоть какое-то тепло. Изоляция была полной. Мир сузился до этого зловонного угла и холода, который сковывал мышцы.

Но мысли о Тимуре не давали замереть. Я должна была увидеть его. Должна была убедиться, что с ним всё хорошо. Надежда увидеть его толкнула меня обратно к клинике. Я обошла здание, прячась в тенях, и добралась до детского крыла.

На входе стоял охранник, молодой парень, который всегда пропускал меня после ночных дежурств. Сейчас он выглядел растерянно, но твердо держал позицию.

— Доступ посторонних запрещен, — сказал он, глядя куда-то мимо меня. — По распоряжению главврача.

— Я его тётя, — мой голос звучал хрипло, чуждо. — Я опекун Тимура Верещагина. Мне нужно посмотреть на него. Хотя бы пять минут.

Охранник отвел взгляд. Он поморщился, словно я попросила о чём-то неприличном. Посмотрел на дверь за своей спиной, потом снова мимо меня.

— Простите. Инструкция игнорировать любые просьбы.

Я не стала спорить. Спорить было бесполезно. Я подошла к огромному панорамному окну, ведущему в палату интенсивной терапии. Сквозь стекло, искаженное бликами и расстоянием, я видела маленькую кроватку. Тимур спал. Ровно. Спокойно. Капельница капала. Медсестры рядом не было.

Я стояла, прижавшись лбом к холодному стеклу, и пыталась разглядеть, как поднимается одеяло у Тимура на груди. Он мог проснуться, позвать меня — а я даже не услышала бы. Хотелось постучать, но будить его было страшно. Григорий оставил мне окно вместо входа в палату; даже проверить капельницу я теперь не могла.

Я развернулась и побежала к своей старой «Ниве», оставленной на парковке клиники. Машина была моим последним убежищем. Грязная, скрипучая, но моя. Я нырнула внутрь, захлопнув дверь, и попыталась завести двигатель. Стартер закашлялся, издал агонизирующий скрежет и умер. Тишина в салоне стала оглушающей. Аккумулятор сел.

И тут щелкнула пассажирская дверь.

В машину сел мужчина. Он курил сигарету, выпуская дым в приоткрытое окно. Свет фар соседней машины падал на его лицо, высвечивая грубый шрам, пересекающий скулу. Максим Орлов. Инвестор. Человек, которого боялись все администраторы города.

Я застыла, забыв дышать. Рука автоматически потянулась к дверной ручке, но он не двинулся с места. Только повернул голову, и его глаза, черные и внимательные, как у хищника, встретились с моими.

— Он слишком мелкий для таких игр, — произнес Максим низким, хрипловатым голосом. Дым клубился вокруг его лица, создавая ореол опасности. — Кто-то должен был купить клинику, чтобы получить твои данные. Твои исследования. Твою лицензию.

Я не могла говорить. Горло перехватило.

Максим затушил сигарету в своей карманной пепельнице, и запах табака смешался с запахом кожи салона. Он протянул мне визитку. Белую, плотную, с одним номером телефона.

— Я купил долги Григория час назад, — сказал он, и в этих словах была такая власть, что у меня закружилась голова. — Теперь ты моя проблема, Верещагина. Или мой актив. Выбирай быстро. Потому что Григорий уже едет сюда. Не за документами. За свидетелями.

Он откинулся на спинку сиденья, скрестив руки на груди, и посмотрел на меня так, словно оценивал товар на аукционе. Но в этом взгляде не было презрения Григория. Там было ожидание. И холодная, расчетливая заинтересованность.

— У тебя есть три часа, — добавил он, и его тон стал жестче, почти приказным. — Три часа, чтобы решить, кто будет держать тебя за руку, когда Григорий вернется с ножом. А лучше — с пистолетом.

Максим вышел и закрыл дверь. У входа в клинику, в свете фонарей, уже появлялся Григорий. Я осталась одна на парковке, с визиткой в дрожащей руке и смотрела, как Григорий приближается. Прятать визитку я не стала. Теперь у меня был номер человека, которого боялся он сам.

Глава 3

На рассвете я ещё раз вернулась за вещами. Ординаторская пахла остывшим кофе и страхом. Я зашла, чтобы забрать халат, но воздух стал густым, как кисель. Коллеги — те, с кем я делила ночные смены и чей запах пота был мне роднее духов, — отвели глаза. Никто не сказал ни слова. Я слышала, как шуршит ткань халата и щёлкает о стол чужая кружка. Обычно в этот час мы перебивали друг друга, обсуждая смену. Снимая халат, я никак не могла справиться с последней пуговицей. В конце концов стянула его через голову и сложила в сумку. Я ждала хотя бы вопроса. Медсестра придвинула к себе кружку, освобождая мне край стола, и снова уткнулась в телефон.

В дверях возникла Кира Лаврова. Новая главврач по назначению Григория. Она положила на стол папку с актом передачи дел.

— Подпиши, Алиса. Формулировка: «в связи с неспособностью к стрессовым нагрузкам».

Её улыбка была стерильной, как скальпель. Я не взяла ручку.

— Я буду передавать дела только лично преемнику. А не через твою бюрократию.

Кира вздохнула и подвинула ручку к самой моей руке. При коллегах ей хотелось закончить передачу без спора.

Тогда вошёл он. Григорий не повысил голоса, но плотность воздуха изменилась мгновенно. За его спиной выросли охранники, закрытые двери щёлкнули замками.

— Ты отстранена по медицинским показаниям до выяснения обстоятельств, — сказал муж холодно.

— Это незаконно! У меня есть трудовой договор, — начала я, пытаясь найти опору в юридических терминах, которые раньше были моим оружием.

Григорий перебил меня одной фразой:

— Тебя отстранили от работы по заключению комиссии. Документы подготовлены ещё до нашего разговора в подсобке.

Пока я дежурила, они уже собирали бумаги против меня. Сейчас он говорил об этом при коллегах, и никто не спросил, когда меня успела осмотреть комиссия.

Он повёл меня через коридор главного корпуса. «Инвентаризация имущества», — так это называлось официально. Медсестры и интерны стояли вдоль стен, словно зрители в театре абсурда. Шепот летел за мной, как рой ос. Одна из молодых медсестёр, которую я учила ставить катетеры, отвернулась первой. Я задержала на ней взгляд, но она так и не повернулась. Пришлось смотреть прямо перед собой: до выхода оставалось ещё несколько дверей. От привычного запаха антисептика теперь мутило.

У выхода меня ждал участковый. Григорий вызвал его «для безопасности персонала».

— Документики? Вы трезвы? — спросил полицейский, глядя сквозь меня. Намёк на слухи об алкоголизме висел в воздухе, тяжелый и тошнотворный.

Я протянула паспорт. Голос сорвался на шёпот. Григорий уже говорил по телефону в стороне, решая вопрос. Участковый смотрел на меня с жалостью, но ничего не предпринял. Я была виновата по умолчанию.

На улице нас ждала машина Григория. Он предложил отвезти домой, но по пути остановился у аптеки. Вернулся с упаковкой успокоительного и бросил её на заднее сиденье.

— Выпей. Тебе нужно быть тихой, пока я решаю твою проблему.

Он считал меня пациенткой. Больной вещью.

Я открыла окно и выбросила коробку на мокрый асфальт. Я смотрела, как коробка остаётся на дороге. Пусть хотя бы это он решит без меня.

Григорий усмехнулся, отметив мою «истеричность», и повернул руль. Не к дому. К заброшенной даче.

«Карантин», — объяснил он, запирая меня в гостевом доме. Забрал телефон. Полная изоляция. Ни связи с миром, ни возможности узнать, жив ли Тима. Я стучала в дверь, кричала, но лес поглощал звук. Села на пол, обхватив колени руками, и впервые заплакала навзрыд, без стыда, выплёскивая месяцы унижения.

Сквозь щель в ставне я видела, как Григорий курит на крыльце, прижимая трубку к уху. Его голос долетел глухим эхом:

— Она сломалась. Можно начинать аукцион.

Он дождался моего плача и теперь докладывал об этом в трубку. Вот зачем привёз сюда. Я прижала ладонь ко рту, чтобы он больше не слышал ни одного всхлипа. Слова «можно начинать» я запомнила.

Шаги на крыльце. Но это был не Григорий. Дверь распахнулась. В проёме стоял Максим Орлов. В руке он держал мой телефон. Смотрел сверху вниз, как на найденную монету в грязи.

— Вставай, — произнёс он тихо, но каждое слово било наотмашь. — Ты стоишь дороже, чем он думает.

После дачи я всё ещё надеялась обойтись без условий Орлова. В юридическом отделе клиники «Меридиан» ещё пахло свежей краской. Я стояла перед столом Игоря и ждала, когда он оторвётся от монитора. Я прижала к груди папку с документами так сильно, что картон впивался в рёбра, оставляя на пальцах белые полосы. Внутри лежали копии моего трудового договора, выписки из медкарты племянника и черновики исследования, которое Григорий пытался присвоить. Это было моё оружие. Или то, что я считала оружием.

Игорь, младший юрист с вечно потным лбом и бегающими глазами, не поднял головы от монитора. Его пальцы замерли над клавиатурой, будто он ждал команды стрелять.

— Объясните мне приказ, Игорь, — мой голос прозвучал хрипло, чужеродно в этой стерильной тишине. — Где основание? Я подписала заявление под угрозой жизни ребёнка. Где основание считать мой уход добровольным?

Он медленно повернул кресло. В его взгляде читалась жалость, смешанная со страхом перед кем-то, кто стоял за моей спиной.

— Все процедуры соблюдены, Алиса Сергеевна, — произнёс он механически, как заученный урок. — Ваша подпись под согласием уже отсканирована и отправлена в архив сервера. Она есть. Значит, она была.

Я шагнула ближе, чувствуя запах его дешёвого одеколона и страха.

— Покажите скан целиком. Сейчас. На экране.

Игорь вздрогнул и физически перекрыл собой доступ к системному блоку, пряча руки за спину, словно там был спрятанный пистолет.

— Григорий Аркадьевич сегодня не принимает посетителей. У него кризис репутации. Вы должны уйти.

Кризис репутации. Он продавал меня мафии, а у него «кризис». Смех сквозь слёзы застрял в горле комком. Я развернулась, ударившись плечом о дверную раму. Плечо заныло; я потёрла его через куртку. Игорь уже повернулся к монитору, будто наш разговор закончился сам собой.

Улица встретила холодным ветром, который мгновенно пробрал до костей, сквозь куртку. Телефон в руке дрожал от холода и гнева. Я набрала номер дежурной части полиции, надеясь на формальность закона, на ту самую систему, которая должна защищать слабых.

Гудки тянулись бесконечно долго. Когда диспетчер ответил, его голос был сухим и канцелярским.

— Заявление о шантаже и угрозах жизни ребёнка. Мне нужны доказательства прямой угрозы. Аудио, видео. Без них дело не возбудят. Это семейные споры, компетенция участкового.

— Участковый! — я почти кричала в трубку, игнорируя любопытные взгляды прохожих. — Он угрожал убить Тимура! У меня есть показания соседей, они слышали крики!

Тишина на линии нарушалась только щелчками мыши. Казалось, он даже не слушал.

— Вы уже обращались к дежурному. Повторный звонок ничего не изменит. Если хотите спорить с его решением, жалуйтесь начальнику отдела. Сейчас я ничем помочь не могу.

Связь оборвалась. Гудки сменились тишиной. Я смотрела на экран телефона, где отражалось моё бледное лицо с темными кругами под глазами. Я назвала имя ребёнка, рассказала об угрозе — и всё равно услышала про семейный спор. Волков отказался принять заявление, этот отправлял жаловаться на Волкова. Сколько ещё звонков понадобится, чтобы кто-нибудь спросил, где сейчас Тимур? Я стиснула телефон, удержавшись от нового набора.

Ноги сами понесли меня обратно в клинику. Кабинет главного бухгалтера находился на втором этаже, в крыле администрации. Там могла быть справка о доходах, которую требовали для суда по опеке. Это был последний шанс сохранить хоть какую-то юридическую силу.

Охранник встретил меня у лифта. Крупный мужчина в форме, с лицом, высеченным из гранита.

— Стоять. Сюда нельзя.

Я рванулась мимо него, хватаясь за поручень лифта. Его рука перехватила мой локоть с неожиданной жесткостью. Пальцы впились в ткань куртки, обездвиживая.

Глава 4

— Пусти! — выдохнула я, чувствуя, как кровь приливает к лицу.

В этот момент дверь кабинета открылась. Оттуда вышла Нина Петровна, главный бухгалтер. Бледная, с трясущимися руками, она посмотрела на охранника, потом на меня. В её глазах плескался ужас.

— Алиса, — её голос был едва слышен. — Уходи. Пожалуйста.

— Мне нужна справка, Нина Петровна. Только цифры.

Она сделала шаг ко мне, охранник ослабил хватку, не решаясь применять силу против старшего сотрудника. Бухгалтер шепнула, склонившись к моему уху:

— Григорий сказал... Если ты здесь задержишься больше пяти минут, он вызовет скорую. Принудительная госпитализация. По психиатрии. У него уже готовы справки от комиссии. Ты будешь не врачом, а пациентом.

Я посмотрела на лестницу. Если приедет скорая, меня будут забирать здесь, при сотрудниках, которые уже подписали справки. Я знала, как убедительно выглядят печать и подпись врача. Потом попробуй объясни, что просила только справку о доходах, а не помощь психиатра.

Я вырвалась. Охранник удивлённо моргнул, давая мне возможность сделать три быстрых шага назад, к лестнице. Но внутри всё холодело. Пять минут. У меня их нет.

В холле первого этажа царила привычная суета. Пациенты, курьеры, персонал. И посреди этого потока, как белая акула в мутной воде, шла Кира Лаврова. Новая исполняющая обязанности главврача. Идеальная прическа, дорогой костюм, уверенность хищницы.

Я перегородила ей путь.

— Кира, передай документы. Ты единственная, кто может...

Она остановилась. Поправила заколку в волосах, глядя на меня поверх очков с легким презрением. Рядом остановились несколько врачей, делая вид, что читают журналы или проверяют телефоны. Звуковой фон изменился: шорох страниц стал громче.

— Алиса, ты выглядишь ужасно, — сказала она достаточно громко, чтобы слышали все. В её голосе не было злобы, только демонстративная забота, более оскорбительная, чем крик. — Тебе действительно нужна помощь. Может, я вызову тебе такси до психдиспансера? Григорий очень переживает за твое состояние. Он просил передать, что это ради твоего блага.

Я сжала кулаки так, что ногти врезались в ладони. Во рту появился металлический привкус крови — я случайно прикусила губу. Скандал был именно тем, чего они ждали. Любой истерический жест будет зафиксирован камерами и войдет в досье «невменяемой жены».

Молчание длилось вечность. Потом Кира вдруг приблизилась, якобы чтобы поддержать меня под локоть, и сунула мне в карман куртки сложенную бумажку. Жест был быстрым, почти незаметным.

— Держись, — прошептала она так тихо, что я услышала это только потому, что она говорила у самого моего уха. Затем она выпрямилась и, высоко подняв голову, прошла дальше. Предательство, смешанное с милосердием. Или приманка.

Машина была последней крепостью. Старая «Нива», которую еще не отобрали приставы. Я села внутрь, задыхаясь от напряжения, и развернула записку. Адрес частного адвоката. Время встречи. Почерк Киры был неровным, дрожащим.

Кабинет адвоката находился в арендованном помещении на окраине города. Пахло пылью и старыми бумагами. Хозяин кабинета, пожилой мужчина в дешевом, растянутом на локтях костюме, внимательно выслушал мою историю. Он не перебивал. Только иногда вздыхал, потирая переносицу.

— Дело безнадежное, Алиса Сергеевна, — наконец произнес он, откидываясь на спинку скрипучего стула. — Верещагин подготовил почву. Все ваши коллеги подписали бумаги о нерв-

ном срыве после смерти вашего отца. Комиссия подтвердит диагноз. Лицензия будет приостановлена минимум на полгода.

— Что делать? — спросила я, чувствуя, как внутри пустеет.

— Есть сделка, — адвокат достал ручку и положил передо мной лист бумаги. — Я возьму дело бесплатно. Буду представлять вас в суде по опеке над племянником. Но взамен вы напишете расписку. Полный отказ от претензий к клинике «Меридиан». Лично. Заверенная у нотариуса.

Я посмотрела на текст. «Отказываюсь от любых финансовых и имущественных требований...». Если я подпишу, я потеряю право на компенсацию. На жилье. На будущее. Это ловушка. Он хотел закрыть вопрос для Григория, получив деньги от клиники за «тихое решение».

— Нет, — сказала я твердо.

Адвокат вздохнул, убирая ручку в карман. В его глазах мелькнуло разочарование. Не из-за денег. Из-за того, что я не повелась.

— Тогда вы останетесь одна. И помните, Григорий любит, когда его слушают. Не спорьте с ним. Просто исчезните.

«Просто исчезните». Легко сказать, когда у тебя нет дома.

Ключи от бывшей квартиры лежали в кармане, хотя замки уже меняли. Последний бесполезный символ нормальности. Даже если дом продавали, там оставались мои вещи. Лекарства для Тимура. Мой любимый рабочий халат, который я носила десять лет. Книги.

Подъезд встречал меня гулом голосов. Дверь была открыта нараспашку. Внутри, среди коробок и строительной пыли, сновали люди. Риелторы. Новые арендаторы. Молодая пара, рассматривающая планировку.

Один из риелторов, парень с наглой улыбкой, заметил меня.

— Эй! Вы кто такая?

Я попыталась пройти внутрь.

— Мне нужно забрать вещи. Это моя квартира.

— Была вашей, — поправил он, доставая телефон. — Хозяин продал объект месяц назад. Мы показываем. Вы не имеете права здесь находиться! Охрана!

Он кричал, привлекая внимание. Люди смотрели на меня, как на сумасшедшую. Я увидела угол прихожей. На полу, рядом с входной дверью, лежали два больших черных мусорных пакета. Один был разорван. Из него торчали страницы учебников по анестезиологии и край моего белого халата.

Край халата лежал рядом с учебниками, по которым я готовилась к экзаменам. Я успела узнать обложку, прежде чем риелтор снова заслонил дверь. Мне хотелось сказать ему, что это не мусор. Что в этих книгах мои пометки. Но он уже звал охрану, а молодая пара ждала продолжения показа.

Я вышла наружу. Ноги не держали. Я рухнула на бордюр у подъезда, окруженная запахом выхлопных газов и собственной нищеты. Холодный асфальт пропитывал джинсы влагой. В голове шумело. Ни одного пути вперед. Ни одной двери, которую можно открыть. Только стены, которые становились все ближе.

Звук двигателя разорвал тишину. Черный внедорожник с тонированными стеклами плавно остановился прямо напротив меня. Из выхлопной трубы тянулось облачко пара в зимний воздух.

Стекло опустилось. Максим Орлов смотрел на меня сверху вниз. Шрам на его лице пересекал скулу, добавляя суровости взгляду. Он не улыбался. Не проявлял жалости. Его глаза были холодными и расчетливыми, как скальпель хирурга, оценивающего опухоль.

— Ты всё ещё хочешь играть по правилам Григория? — его голос был низким, бархатным, но от этого не менее опасным.

Я подняла глаза. Слез не было. Осталась только ледяная ярость, выжигавшая страх.

— Я хочу, чтобы он заплатил.

Максим усмехнулся уголками губ. Это была не улыбка радости. Это была гримаса удовлетворения охотника, который видит загнанного зверя.

— Правила Григория написаны кровью других людей. Ты готова сломать доску?

Он протянул руку. В ней был телефон. Экран светился в сумерках. На нем была фотография. Тимур. Мой племянник. Он сидел в мягком кресле, ел йогурт, а рядом стояла женщина в медицинской форме. Спокойный. Сытый. Безопасный.

Сердце пропустило удар.

— Он жив, — сказал Максим, наблюдая за моей реакцией. — Пока его не трогают. Твой муж уже начал искать тебя. Через полицию, через коллекторов, через всех, кого знает. У нас мало времени.

Я снова посмотрела на Тимура на экране. Максим мог показать мне его, мог привести к нему. За это пришлось бы согласиться на его условия. Я уже слышала их и знала, что свободной сделки у нас не выйдет. Но сидеть дальше на бордюре, пока Григорий ищет меня, было нечем оправдать.

Его пальцы были холодными. Я взяла его руку и поднялась с бордюра. Он хотел мои знания о клинике. Я хотела Тимура и возможность добраться до Григория. Пока этого хватало, чтобы принять его руку. Решать об остальном придётся, когда смогу согреться и перестану дрожать.

Глава 5

Мороз не просто кусал — он жрал меня изнутри, выедая тепло до самого костного мозга. Я сидела в своей «Ниве», дав мотору поработать несколько минут. Стрелка температуры едва сдвинулась; стрелка топлива лежала у нуля. Может быть, бензина хватило бы ещё на пять километров, но до заправки было больше, а денег у меня не было. Совсем. Ни рубля. Даже мелочь, которую я обычно ссыпала в бардачок для парковочных автоматов, исчезла вместе с моим кошельком в тот день, когда Григорий объявил меня невменяемой.

Руки дрожали так, что я не могла нормально закрыть куртку. Ткань была тонкой, летней, а на улице минус двадцать. Я видела своё отражение в мутном от инея зеркале заднего вида: синие губы, запавшие глаза, волосы, спутанные и жирные от недельной жизни в машине. От меня пахло потом, страхом и чем-то сладковато-гнилым — запахом того, кто давно не мылся.

«Не плачь, — приказала я себе. — Слёзы замерзнут на щеках, и ты потеряешь лицо буквально».

Я не могла оставаться здесь. К полуночи температура упадёт ниже минус тридцати. Это конец. Не метафорический, а физиологический. Гипотермия убивает тихо: сначала перестают шевелиться пальцы, потом становится тепло, и хочется уснуть.

Единственное место, где было отопление, находилось в трёхстах метрах. Частная клиника «Меридиан». Там меня знали и могли снова выгнать. Но я смотрела на освещённые окна и думала только о том, что внутри работают батареи. До двери я ещё могла дойти.

Я выбралась из машины. Ветер ударил в грудь, сбивая дыхание. Ноги промокли мгновенно, несмотря на зимние ботинки. Я прижалась к стене здания, стараясь стать частью тени. Главный вход был под охраной — новые лица, чужие взгляды. Они искали меня? Нет, они искали скандалов, наркоманов или пьяных дебоширов. А я выглядела как одна из них. Хуже.

Я обошла здание, пробираясь по скользкому тротуару вдоль забора, пока не нашла служебный вход, где раньше мы с медсёстрами курили в перерывах и делились новостями о том, какой Григорий Верещагин засранец. Замок щёлкнул, пропуская сотрудника с тележкой. Я придержала дверь и проскользнула следом.

Внутри, в темноте коридора, пахло хлоркой и старым линолеумом. Меня затошнило: я вошла, а по привычке ждала, что кто-нибудь окликнет и спросит о смене. Но сейчас на голоса пришлось бы прятаться. Я знала этот коридор наизусть: сколько шагов до ординаторской, где висит пожарный щит, где протекает труба в подвале.

Голод сводил с ума сильнее холода. Желудок сжался в тугой узел, отдавая болью в позвоночник. Я не ела со вчерашнего дня. В кармане куртки лежала единственная ценность — полбуханки хлеба, который я стащила из столовой клиники неделю назад, прежде чем меня выгнали. Он затвердел и покрылся плесенью, но есть его было нельзя.

У стены стояли два мусорных контейнера. Запах гниющих овощей и использованных подгузников ударил в ноздри. Раньше я бы схватилась за живот и побежала прочь. На сменах я даже из столовой уходила, если пахло несвежим мясом. Сейчас же остановилась.

В первом баке лежали остатки обеда из VIP-палат. Контейнеры из плотного пластика, аккуратно завязанные пакеты. Кто-то выбросил еду, потому что она остыла, или потому что пациент умер, или потому что нянька была недовольна сервисом. Для Григория это был расходник. Для меня — спасение.

Я открыла крышку. Холодный металл обжег пальцы. Внутри лежал недоеденный рис с курицей, завернутый в фольгу. Идеально сохраненный.

Мои руки тряслись, когда я разворачивала пакет. От мысли, что сейчас кто-нибудь войдёт, меня передёрнуло. Но курицу я уже держала в руках. Я съела рис с курицей прямо там, стоя в темноте, среди запаха мочи и гнили. Рис был холодным, твердым, но каждый комок риса

казался мне амброзией. Я давилась, кашляла, слезы текли по лицу, смешиваясь с крошками еды.

Я смотрела на еду в фольге и не могла остановиться. Завтра, наверное, будет стыдно вспоминать, откуда я её взяла. Сейчас я прожёвывала следующий кусок, стараясь не уронить ни рисинки. Желудок наконец перестал ныть. Ради этого я готова была ещё постоять возле бака.

Звук открывающихся дверей лифта резанул тишину.

Я замерла с полным ртом. Фольга хрустнула под пальцами. Из кабины вышел мужчина. Высокий, в длинном черном пальто, которое стоило больше, чем вся моя жизнь до сегодняшнего утра. За ним следовали двое помощников, но они остались в холле, обсуждая что-то по телефонам.

Максим Орлов.

Я узнала его даже в полутьме. Неделю я отказывалась от его условий, ночевала в машине, пыталась добиться помощи. Его визитка всё ещё лежала в кармане. Он купил долги Григория в ту ночь — теперь пришёл в клинику для аудита.

Он медленно повернул голову. Его взгляд нашел меня в углу, среди теней. Я попыталась отвернуться, спрятать лицо, смахнуть крошки с подбородка, но было поздно. Он видел всё. Мою грязную одежду, мои растрепанные волосы, мою опущенную голову, мой стыд.

Максим подошел ближе. Его туфли были идеально чистыми, блестящими, отражая тусклый свет аварийной лампы. Он остановился в метре от меня. Я подняла глаза. В его лице не было ни жалости, ни отвращения. Только холодный, хирургически точный интерес.

— Вкусно? — спросил он тихо.

Голос был низким, бархатным, с нотками металла. Я вздрогнула и отступила, но ноги отказались слушаться. Колени подогнулись; я осела на пол, упёрлась ладонью в плитку, как побитая собака.

— Уходите, — прошипела я. — Оставьте меня в покое.

Он достал из внутреннего кармана платок. Белый, льняной, с монограммой. Протянул его мне.

Я отбила его руку. Платок упал на пол, испачкавшись в грязи. Ярость, горячая и липкая, залила мое лицо.

— Мне не нужна ваша подачка! — крикнула я, и эхо разнеслось по пустому коридору. — Я не сдохшая собака, которую вы решили пнуть на радостях!

Максим усмехнулся. Усмешка была едва заметной, уголок рта дернулся, но в глазах оставалась сталь. Он присел на корточки, игнорируя то, что дорогое шерстяное пальто касается влажного пола. Теперь наши лица были на одном уровне.

— Собаки кусаются, если их загнать в угол, — сказал он спокойно. — А ты пока только скулишь. Это скучно, Алиса Верещагина.

Мое имя в его устах прозвучало как приговор. Он знал. Он знал все. Развод, шантаж, племянника Тимура, мои документы, мои грехи. Страх сменился ледяным любопытством. Почему он не позвал охрану? Почему он не ушел?

— Ты знаешь, кто я, — не вопрос, а утверждение произнесла я.

— Я знаю, что ты врач с восьмилетним опытом анестезии, который умеет читать людей лучше, чем томограф, — ответил Максим. — И я знаю, что Григорий недооценивает тебя. Он видит в тебе мешок с деньгами и молчанием. Я вижу в тебе оружие.

Он протянул визитку. Черный картон, серебряная надпись. Просто имя и номер телефона. Никаких должностей. Никакого названия компании.

— Работа, — сказал он. — Не помощь. Не благотворительность. Работа. Мне нужны глаза и уши внутри медицинской мафии Григория. Ты будешь моим консультантом по вопросам безопасности пациентов и... этики. В кавычках, конечно.

Я смотрела на визитку, потом на свои грязные руки, на пятна от риса на коленях.

— Почему я? — спросила я, чувствуя, как голос срывается. — Вы можете купить любого юриста, любого следователя. Зачем вам сумасшедшая жена директора?

— Потому что остальные боятся Григория, — ответил Максим. — А ты уже потеряла все, что можно потерять. Тебе нечего терять. Значит, ты опасна.

Он встал, отряхнув пальто, хотя грязи на нем почти не осталось.

— Условия просты. Безопасность Тимура гарантирована. Чистая квартира. Еда. Тепло. Взамен — полное подчинение и молчание обо всем, что ты увидишь. Если ты откажешься, я не буду ничего делать. Просто уйду. А ты останешься здесь. На полу. В холоде. И завтра утром тебя найдут мертвой от истощения или отморожения. Григорию будет выгодно оформить это как суицид.

Я посмотрела ему в глаза. Там не было доброты. Там был расчет. Он ждал моего согласия, даже не пытаясь смягчить условия. Мне придётся слушаться его. Зато Тимур будет под защитой, а я смогу есть и спать, не считая остатки бензина. Я примеряла эти обещания к завтрашнему утру и не находила другого выхода.

— А если я соглашусь? — спросила я.

— Тогда ты станешь частью игры, — сказал Максим. — И правила напишу я.

Где-то в подвале капала вода. Я считала капли, пока не смогла разжать пальцы. Он ждал ответа, а я всё ещё смотрела на платок в грязи.

Я взяла визитку. Бумага была холодной и гладкой.

Максим не дал мне денег. Не предложил такси. Не сказал «добро пожаловать». Вместо этого он положил передо мной связку ключей. Массивных, тяжелых, с брелоком в виде золотого волка.

— Отель «Централь», номер 402, — сказал он. — Противоположная сторона улицы. Отмойся. Смени одежду. Там есть всё необходимое. Если ты придешь ко мне завтра такой же грязной, я тебя не приму. Мне нужен инструмент, а не мусор.

Он развернулся и ушел. Шаги удалялись, четкие, размеренные. Двери лифта закрылись, отсекая его фигуру.

Я осталась одна. В темноте. В холоде. С ключами в одной руке и визиткой в другой.

Я стиснула ключи. Номер через дорогу — не в другом городе, не где-нибудь, где придётся начинать с нуля. Из окна я увижу клинику. Завтра смогу вернуться туда по делу, а не просить позволения согреться. От этой мысли я впервые за неделю захотела наступления утра.

Я встала. Ноги гудели, но держали. Я вышла на улицу, вдохнула морозный воздух полной грудью. Он больше не казался убийственным. Он показался очищающим.

Глава 6

Номер в отеле «Централь» был скромным, но теплым. Ковер был серым, стены бежевыми, пахло дезинфекцией и легким ароматом цитруса. Никаких излишеств, но всё работало. Душ, полотенца, чайник.

Я разделась. Медленно, будто снимая кожу. Грязная куртка, промокшие ботинки, растянутые колготки. Всё в пакет для стирки, который оказался в шкафу. Я включила воду на максимум. Пар заполнил ванную комнату, скрывая мои очертания в зеркале.

Под струей горячей воды я плакала. Не от боли. Не от страха. От облегчения. От злости. От того, что я жива. Что я дышу. Что у меня есть план.

Вода стекала по телу, смывая грязь и запах мусора, запах унижения, запах Григория. Я терла себя жесткой мочалкой до красноты, до крови, пока кожа не начала гореть.

Я вышла в чистой рубашке и брюках из гардероба. Брюки сидели свободно; рубашку пришлось заправить. Кожа ещё горела после мочалки, но я больше не пахла контейнером. Можно было встретиться с Максимом, не пряча лицо. Я посмотрела на пакет с грязной одеждой и оставила его в шкафу: завтра разберусь.

На тумбочке лежал телефон. Новый, простой смартфон, без сим-карты, подключенный к Wi-Fi отеля. Экран вспыхнул, уведомляя о сообщении.

Я взяла его. Пальцы еще дрожали, но меньше.

Сообщение от неизвестного номера:

«Григорий узнал, что ты жива. У тебя есть два часа. Беги или умри».

Я посмотрела на часы на стене. Полтретьего ночи.

Григорий узнал. Значит, охрана в клинике болтала. Или Максим специально оставил след, чтобы проверить реакцию врага. Или это предупреждение от Максима: игра началась.

Я не побежала. Я села на кровать, вытянула ноги и посмотрела в окно. Напротив, через дорогу, светились окна клиники. Темные, глухие. Дом, который меня изгнал. Дом, который меня чуть не убил.

Я посмотрела на дверь, проверила замок. Два часа. Значит, откладывать звонок до утра нельзя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.